

Юрий Иванов

Осколок

Юрий Валерьевич Иванов

Осколок

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=599535

Аннотация

Повесть «Осколок» написана по собственным ощущениям от «хождения в мир провинциальных Толстозадовых и Суходрищевых – т.н. «избранных» нового мира». В этом мире хорошо только тем, у кого отсутствует совесть. Если она есть – человеку там очень некомфортно и никакая икра, джипы и полные кошельки бабла его не спасают от боли. Ничего там хорошего нет. И свободы нет тоже. Там описан уже довольно деформированный, вовремя «перестроившийся» герой, но которого все равно дальше лакейской не пускают.. Взятки, продажность, секс ради выгоды, андреналин, смерть... У героя, вроде бы, сохранились и совесть и память о достойном прошлом, но он завяз в этом мире накрепко и ему из него не вырваться.

Содержание

Глава 1. Утро	4
Глава 2. Девятнадцатый дом	9
Глава 3. Нора	12
Глава 4. Кусочек голубого неба	14
Глава 5. Дорога назад.	17
Глава 6. Первенец	20
Глава 7. Как хорошо быть генеральным!	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Юрий Иванов

Осколок

(неправда жизни)

– А почему я?

– Тебе не повезло...

(Глубокая армейская мудрость)

Глава 1. Утро

Началось с правой ноги. Дрожь, даже мелкая вибрация. Она растекалась в пах, в живот, поднималась в грудь и, наконец, достигла головы. Там, от этой тряски что-то вспучилось и дрогнуло подводным глубинным взрывом, выплескивая на поверхность головы какую-то смесь брызг и черного дыма...

И я взлетел. Оторвался от поверхности пола медленно, словно огромный вертолет, покачиваясь с носа на корму, нехотя и вопреки всем законам физики, стал подниматься вверх. И вот уже я на уровне стола, потом шкафа и вот под потолком и все видно в странной полутьме не менее странной комнаты: и распластанное на кафельном полу голое изувеченное тело, и какие-то коробки, шланг с водой и букет засохших цветов...

Потом вдруг лицо – бледное женское лицо: темные волосы – каре и полутемные очки. Оно смотрело на меня сверху вниз и хохотало. Стало нестерпимо страшно. До одури, до идиотизма страшно. Я понял, что на полу именно я. Моя грудная клетка и живот были взрезаны пилой патологоанатома, наподобие крышечки, и наспех сшиты грубым шпагатом. И вновь эта женщина – хохочет и тычет пальцем мне в грудь...

Мысли никак не желали собираться в ряды, и их нестерпимое броуновское движение разрывало череп диким ужасом происходящего. И еще какая-то черная боль в груди, большая и каменная. И ощущение удушья, словно лицо провалилось меж огромных бабьих титек десятого размера и безумный страх, что сейчас эта бабища сожмет их руками и удавит меня насмерть.

Я, слабо ворочавшимся языком, закричал, что-то типа: «Ведьма, б-б-блядь!» и проснулся.

Тяжко проснулся, не понимая ничего из того, где нахожусь, и почему-то ощущая жуткий детский стыд. Сродни тому, что испытываешь в младенчестве, просыпаясь, не понимая при этом описался ты или еще нет.

Было стыдно оттого, что я закричал... Не знаю почему, но было стыдно. И перед кем собственно?

До меня, наконец, стало доходить, что я в спящем ночном вагоне. И этого крика, вероятно, никто не слышал. Или не было никакого крика, ведь кричал не я, а то, что от меня уходило.

Темно и тихо. Слышалось лишь сопение соседок напротив. А слабый свет от далекого фонаря давал размытое представление о пространстве и времени. Поезд «Санкт-Петербург-Иваново» стоял на какой-то пустынной станции или разъезде. Откуда-то сверху неожиданно возникали странные радиоголоса диспетчеров пути. Они были совершенно бессмысленны и ухали с небес, словно указания господ бога для только что, попытавшейся сбежать, человеческой души.

Я понял, что возвратился на землю...

Попытался пошевелиться и застонал. Затекая шея и рука отозвались тупыми искрами боли. Повернулся и, схватившись левой рукой за скобу в переборке, перевернулся на спину. Стало чуть легче. Вздыхнул и попытался улыбнуться, но не смог. Губы словно схватило железными пассатижами и, почувствовав это, я стал лихорадочно тереть влажное от пота лицо и шею. Первое что смог произнести немym ртом были, слова: «Господи, помилуй!»

Поезд вдруг качнуло, закрипели колеса и вагон медленно поехал по рельсам.

Прошло минут пять, и до меня вдруг дошло, что поезд едет в обратную сторону. Впрочем, так бывает. Перецепят паровоз на какойнибудь узловой и все катятся наоборot, совершенно не замечая этого.

Если б не этот сон, я бы тоже ничего не заметил. А сейчас мне казалось, что я еду обратно в неласковый Питер, а поезд везет меня по заколдованному кольцу и никогда уже мне не отыскать дороги домой.

Нестерпимо хотелось курить, но для этого надо было спуститься в темноте с верхней полки, найти тапки и лязгнуть дверями. Было лень и еще не хотелось, нарушать идиллию спящего вагона. А впрочем, хрен с ними! На то и купе, чтоб прощать соседям неудобства. Он-то бабам простил, что они до двенадцати трепались, потягивая сухое винцо из литровой коробки. Правда, надо отдать должное, трепались вполголоса...

Вот так всегда. Лежишь. Нестерпимо больше лежать, устал ворочаться на жесткой полке. Думаешь хорошо бы пройтись до тамбура, выкурить сигаретку. Э-э, блин! Да ничего хорошего. Тамбур воняет табачным дымом так, что курить вовсе не обязательно. Холодно и неудобно. Ты лихорадочно выкуриваешь эту сигарету и хочешь идти обратно. Но и обратно тебе не хочется – верхняя полка, духота и бессонница. А идти-то и некуда. И ты опять достаешь сигарету и опять куришь. Неохотно, чтоб накуриться впрок. Понимая ведь, что ни наестся, ни поспать, ни накуриться впрок невозможно. Осознав это, бросаешь царский бычок в железную банку, привешенную к решеткам окна и идешь в свободный ночной туалет, где нехотя (впрок!) писаешь и умываешься теплой и вонючей поездной водой. Тоже впрок. Или не впрок? А просто потому, что делать тебе совершенно нечего, как, впрочем, и совершенно некуда идти.

Я ненавижу поезда всей душой. Но самолеты я ненавижу еще больше, да и не было в моем Ярославле аэропорта. Так что ездить приходилось именно по железке. Машина гораздо лучше, но десять часов за рулем, это все-таки тяжело кому угодно. После такого марафона надо долго отдыхать, а на это времени не было. Приехал – поработал – уехал... И чем меньше проведешь в Питере времени – тем лучше. Вот такая жизнь.

За окном была темень, и лишь изредка вдалеке мелькал фонарь какой-нибудь деревушки или коровника. Лес, лес и лес... Сколько же его в России. Тысячу километров едешь и все лес. Тащись хоть до Владика – будет одно и то же – лес. Теперь понятно, почему деревянные дома, телеги и дровяные печи. Русский народ – народ деревянный. Почему Папа Карло родился в Италии – не ясно. Буратино это же наш человек!

Пройдя по накрытому дерюжной попонкой коврику коридора (чисто российское изобретение – положить ковер и накрыть его дерюгой, чтоб не затоптали), я нашел свое купе и взгромоздился на полку. Там, лежа в полной темноте и слушая стук колес, вновь вспомнился мой недавний кошмар, и я попытался найти ему объяснение. Но не нашел и, уткнувшись носом в измученную тысячько голов подушку, тревожно задремал, чтобы через час услышать грохот двери и недовольный голос проводницы: «Кто в Ярославль? Через полчаса туалеты закрываются».

Ему всегда было как-то неловко от этих слов. Все-таки в дороге должна быть хоть какая-то романтика. А здесь – туалеты... Словно туалеты важнее людей? А впрочем, в хозяйстве железных дорог туалеты действительно нужнее. Людей много, туалетов мало. Как говорится: «Кто больше матери-истории ценен?»

Под эти крамольные для МПС мысли, в пять –восемнадцать утра, я и сошел на четвертый путь станции «Ярославль-Главный» и пешком пошел домой по сонным улицам, уже чуть тронутым зарей нового дня.

Новый день раскрывался навстречу одинокому человеку, словно розовый цветок после дождя – влажный, прохладный, чуть пахнувший чем-то волнующим и одинокий. Последнее, пожалуй, было самым приятным. На зазеленевших майских улицах никого не было. Утро субботы – откуда взяться народу?

Редкие машины проскальзывали мимо как-то бочком, словно стесняясь своего неуместного гула и дыма. Водители торопились. Кто домой после таксистской ночи, кто по холодку на дачи, а кто-то, может статься, и в столицу, чтобы часа через три прорваться через непробиваемые московские пробки в центр или на МКАД.

И ни души. Даже обычные ранние птички – дворники, пользуясь субботой, дрыхли сейчас без задних ног в теплых и уютных постелях.

Один я шел сейчас по проспекту Ленина, шел к себе домой, благо идти по прямому как стрела липовому бульвару было сравнительно недалеко – полчаса. Шел, нюхал этот утренний воздух и глядел в нежно-розовое небо, пролезающее в просветы между тяжелыми старыми липами, наслаждаясь покоем человека, вернувшегося домой, в свой родной и любимый город после вынужденного долгого отсутствия.

Я понял, как соскучился по Ярославлю – камерному и немного непутевому, веселому и чуть грустному, истинно православному и чуть совковому... Город любви, город детства, город надежд и потерь. Город – дом.

Человеку нужен дом. Без дома может жить только кочевник. Кочевников сейчас не осталось, значит, человек без дома жить не может. Мы сами выбираем себе дом, выбираем любимый город – это ерунда, что родина – место твоего рождения. Много людей родились в советские времена в Праге, Берлине или Улан-Баторе, так что же их родина – Чехия, Германия или Монголия?

Нет, родина там где тебе было хорошо, где мама мазала тебе белый хлеб маслом, посыпала песком и отправляла гулять, а там, во дворе, куча таких же пацанов жадно выпрашивала у тебя: дай откусить, дай откусить... И ты был горд, со своим, тающим на глазах, куском булки – ты был в центре внимания, пусть на чуть-чуть, пусть на крохотный миг. И когда хлеб заканчивался – вы все вместе неслись куда-то на заборы, на деревья, что казались тогда огромными, на крыши сараек, на вечерний и оттого пустой участок детского садика в вашем дворе...

Господи, да было ли что лучше этого?

Топая не спеша, по растрескавшемуся асфальту бульвара, я думал. Философствовал ни о чем и говорил сам собой.

Как хорошо, что есть куда возвращаться, как хорошо, что кто-то ждет, может быть даже не спит, волнуется, ворочается под теплым одеялом, вспоминает о тебе. А ты идешь по родному до боли проспекту и дом твой в каком-то километре или в полутора, и суббота, и весна и хочется верить, что все будет хорошо, и ты проживешь долго-долго и, наверное, никогда не умрешь.

Наша жизнь проста. Она делится на периоды и отрезки. Они понятны и всегда предсказуемы. Сегодня ты мальчик с голубенькими глазками, беленький как одуванчик – идешь, торжественно неся огромный первый букет, в школу и мама рядом – такая большая, красивая и добрая, и рука у нее теплая, и тебе не страшно ни капельки, и все понятно... Распирает гордость – я уже вырос и надо идти учиться, чтобы стать еще больше. А большим стать очень хочется! Скорей повзрослеть, скорей!!!

И вот ты уже взрослый. И злобный голос сержанта врывается в уши: «Встать-лечь, встать – лечь». И ты уже многое понимаешь. Как здорово найти большой офицерский бычок,

например, или проспать спокойно, без издевательских подъемов и отбоев, целую ночь. Как насладиться куском домашнего сала из посылки друга, письмом от девушки, как мечтать о том времени, когда ты придешь домой. Потом ты привыкаешь, и все становится понятно. Так устроена жизнь. Человек привыкает ко всему, даже к плохому.

И вот ты снова дома. А тебя забыли. Жизнь убежала и надо ее догонять. Ты, конечно, догонишь ее – ведь ты уже взрослый, тебя научили любить рассветы новых дней, да и вообще научили любить. И вчерашняя недоступа-одноклассница, становится твоей женщиной. И ты любишь ее и пользуешься ею без юношеского страха, понимая, что так устроен мир. Ведь женщинам нравятся мужчины и они хотят их, потому что тоже так устроены. И тебе снова становится все понятно.

Потом появляются дети. Они требуют внимания, их надо кормить, одевать, учить... И вот ты ведешь старшего сына в первый класс и он горд, что уже большой и страшно хочет стать еще больше. И проходит такую же жизнь и тоже становится взрослым. Таким как ты...

А стоит ли быть таким как ты? Что нравится тебе в себе, а что не нравится? Хотел бы ты остаться таким как есть, или жаждешь другой жизни – бешеного темпа работы, сжигающей любовной страсти, огромных черных автомобилей с личными шоферами, особняков в две тысячи квадратных метров? Наверное, хотел бы, если бы за все это не нужно было платить – здоровьем, нервами, пресыщенностью и одиночеством. А платить никогда и ни за что не хочется.

Хочется подарка. Чуда, если хотите. Хочется, чтобы просто так. Потому что ты есть, потому что на тебя пал чей-то жребий, и ты оказался в нужном месте в нужное время. Русские люди всегда хотят именно чуда. Этим они отличаются от европейцев. Потому что – мы их гораздо моложе. Потому что мы – дети, идущие в первый класс с огромным букетом и страшной жадой взросления. Только мы никогда не догоним взрослых. Ведь мир все равно взрослее нас.

Сколько мыслей, однако! Они приходят к нам и не спрашивают, хотим мы этого или нет. В тишине, в состоянии душевного равновесия, во время бессонницы или жуткой депрессии. Им все равно. Они приходят и все. Зачем они нам? Их столько, что невозможно их даже классифицировать, они диффузируют друг с другом, перемешиваются, из одной вытекает другая, только потому, что в прежней было какое-то слово. И вот – сначала ты думал о высоком, и тут же вспоминаешь что-то совершенно несущественное и глупое, возвращаешься в прошлое, в какой-то детский стыд или воспоминание о цвете твоей игрушечной машинки. От машинки перескакиваешь к мыслям о своем автомобиле, от автомобиля к работе, от работы к жене. Словомешалка, неостановимая словомешалка мыслей.

Подходя к дому, и доставая ключи, я вдруг вспомнил, что не позвонил жене, что приезжаю сегодня (она ждала меня завтра) и хмыкнул.

Я всегда звонил. Почему вообще мужики это делают? Верно, чтоб защититься от нежелания что-то менять в своей жизни. Мы с женой часто смеялись: «А вдруг, приедешь, там любовник – мучайся дилеммой – жену убить или любовника?»

А так, не знаю ничего и все хорошо: жена любит и ждет, ты – самый хороший, дома – порядок. Все понятно, как всегда. Моя жена, мой дом, мои тапочки – это незыблемо и надежно, и каждый хочет в это верить. Лишние знания умножают печали.

Дверь не скрипнула, ключ повернулся мягко (замок новый – американский) и я зашел в сумрак спящей квартиры.

Я всегда знал – нельзя думать о плохом – оно имеет свойство сбываться. Сейчас сбылось практически все...

Все, что только что казалось понятным и предсказуемым, даже скучноватым, – стало настолько новым и чужим, что закружилась голова и к горлу подступила гадкая тошнота.

В прихожей стояли чужие мужские ботинки, на вешалке висел дурацкий светлый плащ. Я стоял и долго смотрел на этот плащ, потому что никогда не носил плащей и этот совершенно чуждый уютному дому атрибут казался какой-то дикостью, словно головной убор зулуса.

Я зачем-то понюхал его. Тот слегка пах ванилью. Так пахнет освежитель воздуха в машинах – когда-то и я вешал такой такую вонючку на печку у себя в автомобиле, потом выкинул, а новую так и не купил.

Плащ смотрел на меня раскосыми глазами пуговичных прорех и ухмылялся беззубыми ртами карманов. «Ну, что? – говорил он – Тебе все понятно? Ты здесь лишний, ты явился не в то время и, вообще, кто ты такой? Тебя здесь не ждали, а незваный гость сам знаешь хуже кого».

Сердце буквально затряслось от ненависти к этому плащу, и кровь ударила в голову. Я вдруг как-то странно икнул, схватил одной рукой онемевшие губы, а другой рванул двери ванной.

Меня вдруг затошнило. Я открыл воду и долго пусто плевался в раковину. Голова ничего не соображала. Было совершенно ясно, что произошло что-то важное, но невозможно было понять что.

И ведь надо что-то делать, куда-то идти, орать, бить морды, хвататься за ножи... Надо, но как? Как делать это в своем доме, куда я так торопился, покупая билет последний билет перед самым отходом поезда? Как ломать все: этот красивый импортный кран, эту раковину, это любовно встроенное зеркало, полочку с зубными щетками и острым «жиллетом». А потом итальянские двери, огромную напольную собаку, вазу с цветами, старинное пианино...

Я взглянул в зеркало. Там был кто-то белый и овальный. Страшный, как червь. Я не знал, кто это и тихо заскулил от страха. Отражение провело рукой по лицу и приблизилось – старик со съехавшим вниз лицом, очень похожий на меня. Но это был не я.

– Господи, да что же это я? Пусть ничего не будет. Пусть все исчезнет, пусть придет сонная жена и скажет, что приехал наш зять Андрюха и спит в гостиной на диване. Пусть все будет как раньше!

Но, что-то словно гвоздь застряло в мозгу. Что-то хохотало издевательски – визгливым голосом. Виу-виу, хи-ха-ха!!! И я знал. Я точно знал, что никакой это не Андрюха. Это то, чего я боялся последнее время. Слишком уж все было хорошо.

Это конец. Конец маленькой налаженной жизни. Конец глупой вере в незыблемость дома, конец стабильности, скуке семейной жизни, конец пониманию. Больше никогда мне не будет известно, что жить надо так-то и так-то, что делать надо то-то и то-то. Больше никогда не будет хватать чугунного осознания, что жизнь проста и все в ней понятно. Никогда...

Присев на край ванны, я закурил. В доме была тишина. Что-то тихонько бормотало в бачке унитаза и больше никаких звуков... Это утреннее субботнее безмолвие было таким уютным, что нарушать его дикостью скандала не хотелось.

Я воткнул окурок в край раковины и открыл дверь ванной. Плащ висел на месте белым флагом над могилой этого дома. Флагом чужой победы и моего поражения.

Я рванул его вниз – и втоптал в пол. Взял свою сумку и захлопнул стальную дверь. Она щелкнула, словно пасть акулы со чмокающим звуком: Щ-щ-чак!

И отрезала меня от прошлого навсегда.

Глава 2. Девятнадцатый дом

Я сидел на скамейке и смотрел на свой дом. Величавый, шестиэтажный, построенный еще в тридцать седьмом году в стиле ампир, с полуколоннами и лепниной, распростершийся огромной буквой «П», и занимая целый квартал. Известный всему городу под названием «Девятнадцатый дом», он, по сути, являлся одной из негласных достопримечательностей города.

В этом доме я со своей женой прожил около двух лет. Не сказать, чтобы они были счастливыми, но все же это была маленькая жизнь. И вкладывались силы в имидж добропорядочной семьи, и вбухивались средства – в обустройство красивой трехкомнатной квартиры с высоченными потолками, и собирались надежды – в материальное благополучие, и росла вера во что-то последнее – может быть в любовь. Хотя, чего хорошего можно построить на обломках старой любви? Видимо ничего – раз все так получилось.

Мы были женаты уже три года. У обоих это был не первый брак. Встретились тогда, одинокие, растерявшие свои семьи, еще не старые люди и стали жить. За плечами выжженные пустыни потерь, поражений и измен. Горы негативного опыта и грустные, не верящие никому, глаза. Осторожное сближение, обнюхивание, ритуальные танцы и секс – без омута страстей, пожара, оставления несчастных и брошенных за спиной.

Идеальный случай для обоих: для нее – симпатичный мужик ее возраста – одинокий, с квартирой, с должностью и машиной, мало пьющий, добрый и умный, для него – красивая баба, в стиле а ля подросток, худенькая, тонкая, с огромным чувством красоты, опять же с квартирой и уже взрослой, собравшейся замуж, дочерью. Казалось бы, оба – идеальные варианты для сорока – то двух лет. Где же такие сохраняются? Таких обычно уводят, они всегда уже заняты, а тут... Взяли и нашлись.

Вместе стало жить легче. Были и свои квартиры – у меня однокомнатная на окраине, у нее трешка в центре. Само собой жить в центре лучше – так и стал этот старый дом нашим совместным жилищем, после того, как выдали замуж ее красавицу-дочь.

Я тогда только – только отошел от длительной и изнурительной любовной драмы. О, какая это была драма! В тесном клубке было сплетено все: и страсть, и нежность, и взлеты до невиданных высот, и открытые глаза, и разочарования с такой жестокой болью, что казалось, никогда уже на месте растоптанной души не смогут вырасти райские цветы любви, и вообще ничего не сможет вырасти.

Такой боли, мне никогда не доводилось испытывать. Ни до, ни после. Это была боль хлипкой души, что словно наколотая на булавку бабочка, трепеща крыльями, вонзала острие все глубже и глубже себе же в сердце. Она стремилась к яркому свету летнего дня, что вдруг открылся ей после унылого, мокрого и грязного покоя кукольного существования. Ошалев от солнечных лучей, огромного синего неба, роскошных цветов на бескрайнем лугу, взлетела и почти сразу же наткнулась на шип какого-то кактуса...

Но солнце светило так заманчиво, что душа моя продолжала к нему стремиться, протыкая свое тело неуклюжими взмахами еще неокрепших крыльев, пока, наконец, не перестала барахтаться и погибла, окостенев и засохнув.

Все кончается – и любовь кончается тоже. Каждый человек хочет любить и быть любимым, но все так запутано в этом мире, что, стремясь к этому, люди получают в итоге лишь страдания, выжженную пустыню души и страх, что это все может повториться.

Может. И повторяется. С другими и по-другому, но повторяется. И часто те, кто клял когда-то любимых за то, что те не так любят, что равнодушны, что могут трезво смотреть на мир, взвешивать и выбирать, сами становятся точно такими же, а их визави плачут по ночам от невозможности растопить чей-нибудь лед и достучаться до прохладного сердца.

А не проклинай любимых, не будь равнодушной свиньей! Получишь сполна все тоже самое, и тогда поймешь другую сторону и начнешь долгое обучение прощению.

Прощать – это главное. Это труднее всего. Потому что прощение это смирение своей гордыни, это способность быть мудрым и честным пред собой, возможность посмотреть на ситуацию с высоты птичьего (или ангельского) полета. И когда простишь кого-то по настоящему – становится легко, потому что отпускать птиц – удел сильных и красивых людей. Мы же все хотим быть сильными и красивыми, только путь к самим себе – таким гармоничным и правильным, весьма непрост, и усеян ржавыми гвоздями амбиций, тщеславия и страха быть непонятыми.

Простить нужно и сейчас. Что поделаешь, брат? Смирись. Невозможно заставить кого-то полюбить нас, как самого себя.

Мы хотим быть свободными и тяжкий крест рабства (добровольного ли, насильного ли) давит нам на плечи и каждый из нас желает от него освободиться. Твоя жена – не исключение.

Мы не рабы – рабы не мы! Эта смешная фраза большевистского ликбеза состоит из двух частей. Первая понятна – мы не рабы. То есть мы не желаем быть рабами. Ну, разве что божьими. Но больше ничьими. Не хотим горбатиться на чужих плантациях, возделывая нивы для надменных белых людей, равнодушно проезжающих мимо на прекрасных лошадях и в золоченых каретах. Они – хозяева жизни. Им не приходит в голову думать о том, что изболевшиеся, измозоленные руки рабов ноют по ночам и пустой желудок сводит голодная судорога, что саднят свежие рубцы от кнута и болит окованная железом шея. Им наплевать – у них не болит.

Долой! И пусть теперь болит у вас... Мы теперь не рабы.

А кто раб? Вторая часть большевистской фразы более странная. Рабы – не мы. Не мы, а кто-то другие. Кто же они? Если смотреть с точки зрения мировой революции – рабами должны стать вчерашние рабовладельцы.

Но, господа, какие из них, на хрен, рабы – белые ручки, нежное горлышко, тонкие ножки с подагрой. Никчемная, в общем-то, публика. Ибо гордыня и надменность осыпались, равнодушие сменилось голодом и страхом за свои величавые головы, которые никак не привыкнув вовремя кланяться, проезжающим в золотых экипажах, бывшим холопам.

Никто не умеет быть рабом, однако все мы ими являемся.

Любовь.

Сегодня ты раб, жаждущий любви своей равнодушной хозяйки, готовый ползать перед ней на коленях, отдавать ей все и ждать, ждать, ждать до отупения какого-нибудь знака расположения с ее стороны: или поцелуя, или смс-ки, или даже (если круто повезет!) ее тела на часок. А завтра – рабыней становится она. И готова взлететь на десятый этаж без лифта, расставшись у подъезда (не с тобой) с любимым, или жевать промокшую напрочь подушку от ощущения собственной брошенности и никому ненужности. А тот, кто был ее рабом – уже хозяин, и у него своя такая же раба и он надменен и горд ощущением собственной власти.

Господи, какая же все это чушь! Ну почему ты допускаешь такое на земле. Почему?

Нам надо сохранить свои души за отведенный нам на земле срок в целости. Надо их еще более усовершенствовать, сделать чище, прозрачнее, красивее. А мы гадим в них, отрываем от них куски, топим их в водке и жжем на бессмысленном костре жажды власти, упиваясь унижением других.

Я ненавижу этот мир. Он глуп. Не жесток – нет. Просто глуп, и состоит в большинстве своем из глупых людей. А глупых людей я не люблю. Впрочем, да пошли они на хуй! Если бы только жить не мешали...

Мало жрать человеку, мало сидеть в тепле, возить жопу в кожаном сидении лимузина, мало пить водку с пивом и трахаться. Мало... А вот большинству почему-то хватает. И пьют

пиво и мечтают о жопе в лимузине и трахаются, трахаются до одури, сотворяя невзначай себе подобных...

И зачем им книги, искусство, красивая музыка, философия, сострадание к ближнему, жгучее желание отдать нуждающемуся собственную последнюю рубашку и стыд за то, что не отдал, за то, что не возлюбил, за то, что не дочитал или не додумал?

Водка есть – ума не надо. И действительно – зачем человекам еще и ум. От него неуютно жить. Начнешь думать – и повалился карточный домик – проснулась совесть, выползла жалость к себе и пришла тоска-а-а...

Пива, бля!!! И чтоб не думать – еще и водки! И по бабам!

Девятнадцатый дом. Как много дум наводит он. И ведь, блин, не все дурацкие, а только часть...

Этот дом для меня знаковое место, место, куда я всегда возвращаюсь, куда меня притягивает жизнь, словно желая мне что-то важное сказать или показать.

Во дворе этого дома был детский сад, в который я ходил в детстве, здесь же, на первом этаже, одно время работал в городской газете. В доме жило несколько знакомых, к которым часто ходил в гости, у кафе-забегаловки с торца дома – первый раз (еще подростком) подрался.

Теперь я тут жил. В жизни многих людей встречаются такие вот знаковые места. Сюда человек приходит снова и снова. Места – магниты. И у каждого свои. Места силы, назлектризованные зарядами и прошлого и будущего, взаимодействующие с нами только на определенной волне.

Я начал приходить в себя. Философия отпускала, и захотелось попросту жрать.

Утро расцветало на глазах – яркое майское солнце поднималось все выше, появились первые люди, поодиночке и группками, забегали все интенсивнее машины и троллейбусы.

Я почувствовал себя глупо – сидящий на грязной скамейке человек, с дорожной сумкой под боком и грудой свежих окурков под ногами. Поднялся со вздохом и пошел на платную стоянку, чтобы найти там свою персональную машину, сесть жопой в кожаное кресло, покурить еще раз, слушая теплый рокот двухсотсильного мотора, и уехать в свою брагинскую нору на окраине.

Там, в одиночестве, я мог бы загнать запуганные неожиданной неизвестностью мысли в стойла и постараться спокойно разобраться, как мне жить дальше и, вообще, надо ли мне это делать.

Глава 3. Нора

Моя нора на десятом этаже нестандартна. Светлая, с огромным окном четырнадцатиметровая комната, десятиметровая кухня, довольно большие прихожая и комната с удобствами. Упакована моими стараниями так, что жить там можно и жить можно очень даже неплохо. Ремонт, электроника, всякая кухонная дребедень и роскошная двуспальная софа покрытая мягким толстым покрывалом. Солнце и свет – бежевое, желтое и чуть-чуть коричневого.

Когда я выбирал квартиру – она мне сразу понравилась. В ней, в отличие от дюжины кое-как покрашенных хрущевок и брежневок, подванивающих плесенью, пепельницей, старостью и каким-то трупным запахом, была жизнь. Молодая еще семья и хохочущий ребенок – эти люди мне понравились, и я наконец-то дальнейшие поиски жилья прекратил.

Единственное неудобство – далековато, но кроме этого – ни одной серьезной проблемы. И даже часто неработающий лифт и сосед-идиот сверху, так и не смогли испортить мое отношение к квартире, и я продолжал ее искренне любить.

В ней был какой-то позитив. А мне, излишне склонному к меланхолии человеку, позитив был, ой, как нужен. Одиноким людям много грустить нельзя – их некому придержать, поддержать, и они быстрее других скатываются в яму тяжелой депрессии.

Я бывал в этой яме. И не один раз. И точно знаю, что снова мне туда не хочется. Поэтому свет солнца в огромном окне и розовые обои, поэтому тепло батарей и куча электроники, поэтому большая ванна и много вкусной еды в холодильнике. Только бы не дать повода депрессии вернуться и затащить меня в черную яму безвременья.

Сейчас мне на удивление спокойно. Даже немного смешно.

Я – рогоносец. Ебтическая сила!!! Ни хера себе! До чего я дожил-то, а?

И это я-то – бывший спортсмен – любовник, бля, Дон Жуан и Казанова в одном лице, спокойно менявший женщин без угрызений совести (просто так – любопытства ради), я – крутой перец, мачо и симпатяга, одним своим голосом, бывало, приводивший женщин к предверию оргазма...?

М-да... Старею. Пипец приходит, видимо, и самому перцу, и его верной морковке. Да и чего уж тут крутого? Сорок пять – это только баба ягодка, а мужик в сорок пять – «пора в зеркало плевать».

И, правда, зеркало в последнее время стало показывать мне какую-то херню. Какого-то седого, одуловатого, с впавшими глазами и резкими морщинами незнакомца. Я ловлю себя на том, что это не я – это невозможно, я – не такой. При чем не вру – действительно не такой. Потому что внутри себя – я молодой, с худым лицом, узким носом, хищным разрезом глаз, с очаровательной улыбкой и голубыми глазами. А тут какая-то странная рожа... Да кто это? Неужели это я и есть?

Это несоответствие внутреннего и внешнего образа пугает меня в последнее время все больше и больше. И бывает, вдруг улыбнешься женщине как раньше – безошибочно, а в ответ недоумение и легкое презрение в ее глазах. И теряешься и прячешь взгляд, чего никогда не было.

Надо с этим как-то смириться. Но ничего не получается. Смирение с жизнью не входит в список моих добродетелей, но что мне теперь с этим делать, и как жить с этим новым лицом – я не знаю. Впрочем, все мои знакомые (в том числе женщины) говорят, что по – прежнему неотразим и они ничего не замечают.

Думаю, они просто боятся, что если скажут мне, что я постарел, я тоже получу право замечать их морщинки и возрастные неровности фигур. Вот так и врем: все нормально, Люся? – все нормально, Сережа!

Я распаковал и разложил свой командировочный баул, полил фикус и пальму, нажарил яичницу с колбасой и сделал себе крепкого кофе. Потом сел на кухне и закурил трубку.

Сказочный дым – сладкий и вишнево – ванильный тихо пополз по квартире, и жилье мое с удовольствием его приняло. Это был его запах. Запах мужского уюта и спокойствия.

Вот я и дома! А остальное, на сытый желудок воспринималось гораздо легче и даже, наоборот, чувствовалось облегчение и некая свежесть в голове.

В конце концов, мы с женой не собирались жить вечно. Попользовались, помогли друг другу на тяжелом перегоне и поехали дальше – каждый своей дорогой.

Мне было совершенно наплевать на посаженные мне рога. Ревности я не испытывал. Впрочем, я никогда (вру, один раз было) не испытывал ревности. Может, мало любил, вот и не испытывал? А может, просто знал, что ничего постоянного не бывает, все меняется и это, наверное, хорошо.

Я был женат уже в третий раз. Мы не были расписаны. Ну и что? Жена для меня существо не обязательно проштампованное. Это постоянная женщина, с которой я живу: сплю, ем, приношу ей деньги, хожу в магазины, езжу на дачу и в отпуск, решаю ее проблемы, разговариваю, помогаю. Это общность, единство, дом, хозяйство, если хотите. Да, еще дети (правда, дочь у меня одна – от первой жены и взрослая уже). Кстати, я дед...

Вот, идиот, а еще зеркало ругаешь. Ты же дед, твоей внучке – скоро два с половиной года. Какого хера ты его по утрам заплевываешь?

Так, о чем я там говорил. Да, жена. Ну и чего? Жена и жена... Носишь деньги (причем с женой их всегда не хватает), имеешь тестя и тещу (прекрасные, кстати, люди), ешь из ее рук (не отравила ни разу), спишь с ней (тепло и приятно) и уходишь на работу. Потом опять носишь деньги, ешь и спишь. Обыкновенная жизнь. Все так живут.

Вообще, я понял, что прожить вместе можно с любым человеком. Лишь бы мне оставили пространство личной жизни – некое место, время, трансферт, мои мысли... Это моя территория и в нее никому (а жене особенно) входа нет. Если бы у всех был такой ареал в доме – никто и никогда бы не расходился.

Да и я бы сегодня лежал по ее правую руку, обнимая славную голенькую попку, а не сидел бы в норе с трубкой в зубах, если бы случайно (вот, сука, всегда надо предупреждать о внезапных приездах!) не залез на ее территорию и познал запретное! А теперь это лишнее знание не даст мне возможности чувствовать себя с ней безмятежно, как раньше. А раз не так, то и никак – иначе это уже не жизнь, а вечные придирки, разборки и выяснение отношений. Это мы проходили, это нам ни к чему.

Ладно, проехали. Завтра на работу, и жизнь заскрипит снова. Ухабы и ямы – дело привычное. Падали и ниже – с трусами в кармане от жен уходили. И начинали все с нуля – и ничего – живы.

Я почувствовал, как тяжело стали ворочаться мысли, как медленно пережевываются слова в голове, как темно становится в глазах и понял, что хочу спать. Бессонная ночь в поезде, стресс познания чужого греха, глупая философия утомили меня безмерно. Надо выспаться – впереди разборки с женой, раскаянье и вранье. А потом, как знать, может и возвращение. К этому надо как-то подготовиться.

Спать, спать...

Голова упала на подушку и сладкая нега жаром потекла по членам.

Я упал в яму и увидел в вышине круглый кусочек голубого неба и падающую на меня сухую землю...

Глава 4. Кусочек голубого неба

– Это я? Да я ли это? – голова шумела и отказывалась верить происходящему.

Кусочек голубого неба – кругленький как дырочка в иной мир. Такой теплый, близкий и желанный, что, казалось, сейчас из него польется музыка – тихая и нежная и все снова будет хорошо, и я буду жив, я буду дома с мамой и папой, и они будут качать мою кроватку, и что-то ласково шептать мне на ушко.

Я попробовал протянуть руку в эту дырочку и не смог. Не было рук, не было ног... Ничего не было – только эта голубая дырочка. Я ничего не слышал – ни грохота автоматных очередей, ни визга осколков, ни солдатского мата, перемешанного с гортанными узбекскими криками, ничего, что сейчас рвало воздух жуткой круговертью смерти в яростном и отупевшем от крови мире вокруг. Ничего.

Совсем ничего. И это было хорошо. Наслаждение уютом и тишиной, отсутствием желаний и удовлетворенностью – как это здорово! Никогда ничего подобного не испытывал и вот пожалуйста.

Мне не получалось думать. Мысли вроде бы приходили, но, не доходя до черты, где сознание их могло сцапать и проанализировать, звонко смеясь, резво убегали прочь, вскидывая босые пятки. И я смеялся с ними, над неуклюжестью грубого ума с ними справиться, дотянуться до их голых ног и утащить в тюрьму моего черепа.

Я ничего не знал, но понимал, что я существую – есть тепло, есть свет, есть голубое небо в вышине. Могу летать, могу плыть под водой, могу читать чужие мысли, могу спрячьтаться, так что меня никто не найдет, могу смеяться... Это было сказочно, другого слова я все равно не смог бы подыскать.

И вдруг разом жесткий желтый свет вонзился мне в череп, и с грохотом миллиона шаманских бубнов в уши ворвалась жизнь. И жизнь эта мне была знакома – прапорщик Бойцов, мой приятель – взводный Леха Бойцов, тряс меня за плечи и орал, воняя мне в лицо потом и вонью нечищенных ломаных зубов. Лицо его в засохшей крови было таким страшным, что я испугался и возвратился на землю.

– Шаров, сука!!! Серега, Серега!!! Блядь, да ты будешь дышать, пидар, или нет? Не смей умирать, ур-род! Я тебе, сука, приказываю! Сережка, держись, браток, держись. Сейчас, сейчас... Да не крутите его, мудачье, у него вся грудь разворочена. Серега! Не молчи, братка, скажи что-нибудь...

Я открывал рот, но, несмотря на мольбы друга ничего произнести не мог. Ни единого слова. Потому что вообще не дышал. Потому что не понимал – как это делается. То есть что-то во мне хотело этого, но я не знал как. И мне от этого было немного неудобно и, как ни странно, смешно. Вроде все так просто – дышать. Даже не знаю, как это объяснить кому-то – ну дышишь и все, просто так дышишь. А вот как это? Не знаю.

Как объяснить телу, не желающему жить дальше, что надо сократить такие-то и такие-то мышцы, разжать рот и впустить в себя благословенную смесь кислорода, азота и углекислого газа? Не понимаю.

– Дыши, дурак, дыши, – Леха рвал на мне застежки разгрузки и, то уговаривал меня словно маленького, – дыши, Сережа, дыши брат! – то орал мне матом обидные слова и бил по щекам – Сволочь, мудак, ур-род! Ты у меня будешь дышать, скотина, будешь! Наркоша хуев, дыши дебил, дыши!!!

И тут я обиделся. Дебилем меня еще никто не обзывал. Это мне было в падлу. Наоборот, в отличие от других простых солдат нашего батальона, у одного меня за плечами был исторический факультет университета, и я был уже почти дембель – до приказа три недели, и, вообще, ты чего Леха охуел, что ли, подумаешь прапор... То же мне, хер с горы!

И от обиды я сделал выдох. Х-ха! Знаете так резко, когда начинаешь орать или ругаться. Х-ха!!! И задышал. Как-то само собой задышал.

И тут же пожалел об этом.

Дикая боль ворвалась в грудь, а через нее в череп и прошлась судорогой по всему телу. Казалось, вспыхнуло все тело, затряслось крупной дрожью, разрывая мне внутренности на атомы и нейтрино. Они взлетали, пробивая мне мозги, и откатывались назад до пят. И снова в мозги и снова до пят.

А-а-а!!! Мама!!! Каждый нерв заголосил о невозможности это вытерпеть.

Я закричал. Тупо и дико. И пошли на хуй все эти юношеские представления о силе, сцепленных зубах, о молчаливом терпении героев. Пошли на хуй все эти киношные мачи с коммунистическим блеском в фанатичных глазах – сжигаемые в топках паровозов, с вырезанными звездами на спинах, с пробитыми животами и оторванными конечностями. Бегущие в атаки, кричащие проклятья палачам и молча умирающие на плахе.

Все – на хуй!

Мне больно. И на этом свете сейчас только один я. Никого и ничего нет. И совершенно наплевать, что семеро ребят погибли в сегодняшнем бою, а вокруг еще пятнадцать орущих искалеченных мальчишек, что командиру роты капитану Евсееву оторвало миной ноги, и он сейчас умирает рядом со мной под кайфом промедола в ожидании вертушки. На-пле-вать!!!

Кстати, промедола мне Бойцов вкатил порядочно. Может он меня и спас. Бойцов же в отличие от меня – старшего сержанта Сереги Шарова – прапорщик, а это, брат, уже звездочки, это уже халява и много чего еще. И анаши у него всегда много и водка есть. Все-таки хорошо иметь другом прапорщика!

Он затащил меня за валун и накрыл мне лицо пробитой каской. Дырочка света, что казалась мне окошком другого мира, была именно оттуда.

Мне очень больно и я кричу. Не кричу – ору... Чуть-чуть еще бы, и сдох бы я от болевого шока. И чтоб не сдохнуть ору, как мне больно, да какие все козлы, да делайте же что-нибудь... Я зову маму, а рядом щербатый Леха Бойцов – улыбается и гладит меня по щеке.

– Жив, сучонок, жив! Ничего. Все пройдет. Сейчас вертушка прилетит, домой полетишь орликом. Заштопают. Ничего. Главное дышишь – теперь не помрешь...

А потом я летел. В груди наваленных кое-как в вертушку стонущих и орущих от нестерпимой боли тел, среди молчаливых трупов моих вчерашних друзей. И мне вдруг стало стыдно. И я вспомнил о тех героях, которые, сцепя зубы и несмотря ни на что... (ну, вы помните). И замолчал, слушая вой винтов и дикую боль в сердце.

Седой хирург в Кабуле, перед тем как вынуть из-за моей грудины осколок, дыша на меня перегаром, сказал: «Терпи, мясо, терпи... Надо же, в сердце, бля! Петрович, подавай наркоз!»

Я снова умер. Потерял сознание и очнулся, когда молодая женщина с круглым лицом с матом била меня по щекам и орала: «Дыши, дыши, сука!» А я опять не понимал, как дышать.

И реально чувствовал сейчас сдохну... И вдруг снова: «Дыши, дебил, дыши!»

И «дебил» сработал опять. Сим-салабим! Кто-то говорит «дебил» – и я дышу.

Жаль я не сказал докторам это до операции. Видимо, это мое кодовое слово, программа...

Потом эта медсестра приходила ко мне в палату, гладила по щеке и что-то все говорила-говорила. А потом положила мне в руку осколок. Небольшой – меньше пол – мизинчика. С ровными гладкими краями, смешной и совсем нестрашный.

Осколок. Что это? Это нечто не целое, это часть, частичка, фрагмент. В данном конкретном случае нашей советской гранаты Ф-1, взорвавшейся в руке убитого душманами тупого чухана Рахима Пирназарова.

А вообще? Осколок это то, что от чего-то осталось. Археологи, например, ищут осколки прошлого, по ним историки представляют судьбы целых городов или империй. А это осколок меня. Он извлечен из моего сердца, и как по нему определить мое прошлое или будущее, какая судьба меня ждет, и почему я остался жить с таким страшным ранением?

Кусочек смерти, случай в его чистом виде, казус или, если хотите, чудо... Он остановился в перикарде, в околосердечной сумочке. Нужен был один миллиметр, чтобы я умер. И только благодаря тому, что прапорщик Бойцов своевременно вырубил меня, вкатив мне лошадиную дозу наркоты, я жив и, может быть даже, буду здоров. И может быть даже, я проживу еще много-много лет. И что-то я должен сделать, и кем-то стать, кого-то полюбить, что-то построить или помочь построить.

Осколок. Я сам осколок моей прежней беззаботной жизни, легкого и доброго детства, ершистой и такой наивной юности, моих двух глупых ревущих девчонок, что провожая меня в армию чуть не разодрались, а потом разом повыскакивали замуж. Осколок моего батальона, моей страны, мира?

Я осколок и это мне понятно. Все люди осколки. Под воздействием магнетизма они когда-нибудь соберутся в нечто целое и будет хорошо – горшок ли получится, дом ли, гора ли – неизвестно. Что-нибудь... Лишь бы не советская граната Ф-1 или американская мина М-19.

Потом меня повезли домой, в Союз. В огромный и могучий Советский Союз. Что так бездарно разбрасывался своей молодостью, кидая ее на пули им же придуманных врагов и на осколки собственных мин и гранат.

Большой грузный самолет, наполненный такими же как я горемыками, тяжело поднялся в воздух, отстреливая пиропатроны и делая крутой подъем вверх, из-за которого сразу же заложило уши. Для того, чтобы нас, спасенных от смерти, она не настигла вновь американской ракетой, пущенной каким-нибудь вонючим и тупым декханином со своего хромого осла.

Там, в Ташкенте, мама пришла ко мне в палату, и никак не могла остановиться: все плакала, плакала и плакала.

Я смотрел на ее доброе, веснушчатое лицо еще молодой сорокалетней женщины, гладил ей такую же конопатую руку, и она казалась мне Богородицей с иконы. В ней было столько любви и всепрощения, столько радости и знания о предстоящей моей горемычной жизни, что я тоже заплакал, хлюпая носом, словно маленький мальчик, пришедший с прогулки с ободранными коленками. А Богородица светила чистым светом, и нежность ее не знала границ, и мудрость ее была вечной...

Только вот я не был богом...

Она привезла меня домой – бледного как смерть и немощного. Страдающего от невозможности распрямить грудь и вдохнуть полной грудью этого благословенного воздуха города, где я когда-то был так наивен и счастлив. Швы и покорябанное осколком сердце болели...

И когда я устал, опустился на скамейку возле нашего дома, я все-таки разогнул спину и поглядел вверх.

Там, в просвете густых опадающих деревьев, я увидел кусочек голубого неба, кругленький такой – как дырочка в иной мир. Из него лилась музыка – тихая и нежная, и я понял – все снова будет хорошо, и я буду жив, и больше со мной ничего плохого не случится.

Глава 5. Дорога назад.

Я не спал. Вернее сначала спал, а потом вдруг сразу нет, но сон продолжался, плавно перетекая в воспоминания.

Этот сон про себя маленького и почти погибшего я никогда раньше не видел. Вот как домой приехал и сразу р-раз – все забыл. Все – и войну и себя на этой войне.

И часто даже не мог понять – как я мог там жить в течение восьми месяцев, как командовал людьми, ходил на боевые, делал зачистки кишлаков, стрелял, бросал гранаты, убивал? И как я, дрожа под обстрелом, вкапывался в землю, блевал от первой пролитой мною крови, курил траву, ржал в ответ на плоские солдатские шутки, жил в вонючей казарме, рядом с какими-то чурками и явными отморозками... Как я вообще мог это делать? Или это был не я, а кто-то другой?

Думаю, это травматический шок. После ранения, психика не выдержала и отрубил воспоминания напрочь. И я ни разу не пожалел об этом. Слишком уж все это не вяжется с моим ощущением мира, справедливости, порядка. Нет, это не мог быть я. Но аккуратный хирургический шрам на груди, не давал повода для сомнений – это был я, и это было со мной.

Часто я крутил в руках тот осколок, не осознавая, что он вырван из моего сердца – кусочек железа и ничего более. Ни обиды на него, ни страха. Осколок, он и есть осколок. Бессмысленный, как и вся моя жизнь.

Мелодично затренькал мобильный телефон, и я посмотрел на часы. Было уже около двух часов дня. Пора начинаться разборкам.

– Милый ты где? – голос жены был тревожен. Она все поняла – окуроч в раковине был мой. Сигареты довольно редкие: «Camel lights». Мне никогда не попадались люди их курящие, а ей верно и подавно. Но она их хорошо знала – я привычкам не изменял.

– Дома. А где я должен быть, Милмоя?

– Ты ничего не хочешь мне сказать? – в ее голосе был легкий надрыв. Я понимал, что ей пришлось несладко после сладкой ночи, но что я мог сделать? Ей нести крест вины – не мне. И я был этому слегка рад.

– Я вообще-то сплю, давай поговорим попозже.

– Ты навсегда ушел?

– Навсегда.

Жестоко. Резко и безжалостно. Я знаю, что для женщины это слово чудовищно. Ведь она, в отличие от мужчины, все планирует вперед, далеко. Так уготовано ей природой – вить гнездо, вить крепко, на всю жизнь, а тут вдруг разом – плюх! И гнездо на земле и яйца вмятку. А лет-то уже не восемнадцать, а сорок пять, и кому же теперь я нужна? И что, из-за этого дурацкого случая и все, что ли? Блядь, какая же я, блядь! Дура, дура, дура!!! Он же не вернется больше никогда, и я останусь одна. И как жить, и зачем жить, и для кого жить?!

– Я не смогу без тебя, – она слегка всхлипнула.

– Сможешь, – резко выдохнул я и дал отбой.

Все что она могла сказать, было мне хорошо известно. Это как в плохом кино – все понятно сразу и можно переключать каналы – ничего нового не произойдет.

Ч-черт, как все банально! Как все глупо!

И ведь, ничего не болит. По хрену! Или я уже настолько постарел, что стал эмоционально ущербен?

Холодность и отсутствие желаний – вот что я стал часто испытывать с годами. Некое перегорание самого себя – ни любви во мне, ни азарта, ни жажды кому-то помочь, спасти мир и вообще кого-то спасти. Не хочется путешествий, заграничного глянца или загара – того, о

чем мечтают, наверное, все. Не хочется власти, развлечений, ресторанов, разврата, больших лакированных Мерседесов и сверкающих директорских офисов. Ничего не хочется.

Странно, ведь многого из этого я и не испытал как следует, а вот – не хочется.

Чего хочется? А не пойму... Иногда сидишь в деревенской бане, скажем. Потеешь и думаешь – как хорошо. Вот плюнуть на все и сидеть тут. Жить в деревне. Встречать по утрам солнышко, бродить по полям с собакой, курить длинную трубочку, сидеть в халате в пахнущем сосной кабинете и писать «Войну и мир». А потом выйти во двор, покомандовать для порядка над дворовыми бабами, зайти к конюху, поговорить о покосе... И все ясно, и не надо никуда спешить, делать кучу никому ненужных движений, волноваться о чем-то. Не успели сегодня – завтра докуем.

Видимо, я в прежней жизни все-таки был барином. Деятнадцатый век, две деревеньки, да пара сотен душ – чего еще надо отставному ротмистру или надворному советнику?

Я сам себя отправил в отставку. Внутренне. Плюнул на мишуру петербургских балов и ночные гусарские забавы. На честь, на родину, на женщин.

Шел, шел по жизни – дошел до какой-то черты и встал. Ну, покурить там остановился или поссать. Поднял голову, а впереди дорога – такая длинная, такая вся каменистая, да грязная и, главное, совершенно не видно – где она заканчивается и, вообще, куда она ведет. А устал, в общем-то, уже. И думаешь – а куда я прусь? А кто меня там ждет? И чего мне там надо-то?

Смотришь, так вот, вдаль и ничем себя утешить не можешь. Думаешь, а чего там есть такого, из-за чего стоит стаптывать неплохие еще ботинки? Деньги? Или то, что на них можно купить? Только барахло – больше ничего. Свободы, радости и удовлетворения все равно не купишь. Может быть любовь? Не бывает счастливой любви – каждому известно. Или любишь ты или тебя – один хрен, ничего хорошего. И так и так – несчастье. Секс, может статься, ждет нас там впереди, какой-то суперчумовой? Самому-то не смешно? И зеркало и паспорт – ведь, не врут. Есть такая штука – либидо называется. Это когда не хочешь. Вот можешь, а не хочешь и пипец! Ну и какой же такой секс в таком состоянии. Принудительный, что ли?

Твою мать! Хули я туда иду?

И плюешь на весь этот скучный набор человеческих прелестей, на всю эту сказку, придуманную нам для раскручивания проекта «Прогресс», поворачиваешься спиной к «счастью» и идешь обратно.

И по дороге обратно понимаешь, что идешь ты к себе. Идешь к тому, кто с криком выполз из материнской утробы, к тому, кто в тебе сидит с той самой утробы, впаянный намертво божьим паяльником – к душе своей. И не только. Ты идешь к этому лудильщику и конструктору человеков – к богу, чтобы понять себя настоящего, чтобы осознать причину твоего появления на свет, свою задачу, смысл. И каждый твой шаг – осмысление, каждый твой шаг – мудрость. И вдруг ты понимаешь – у тебя ничего нет, кроме твоей маленькой и смешной жизни, кроме твоего прошлого, твоих воспоминаний и пронесшихся лет, кроме людей, которые когда-то шли с тобой рядом, кроме женщин, что давали тебе то, что могли, кроме твоих детей...

Ты часть, ты осколок сахарной пирамидки прошлого. Каждый из нас капает сладкой каплей на вершину, и она растет словно сталагмит в темной пещере.

Причины этого процесса известны только создателю. А может это просто красиво, а? И ничего больше...

Я был маленьким. Мне было хорошо, как всем. Ну, может, и не всем хорошо было маленьким, но таки большинству. И у меня был дом – двухкомнатная квартира в старом

доме, с высокими потолками, где нашей семье принадлежала комната семнадцати метров. Рядом жила старушка-соседка баба Катя. И лучше этого дома ничего в моей жизни не было.

Когда родители уходили на работу, а я оставался один я играл сам с собой – в машинки, в домики, в шофера, в войну. Я брал такую самодельную выбивалку ковров, этакую жесткую стальную теннисную ракетку без сетки, тщательно обмотанную изолированным проводом. Втыкал ее между спинкой и сидением дивана, подкладывал под попу подушку и ехал. Ехал, страшно жужжа губами: ж-ж-жжжж-жж!!! Ехал на войну. Приезжал – слезал с дивана, брал в руки пистолет или ружье и стрелял по врагам: кх-кх-кх!!! Враги падали замертво, а я награждал себя медалью за храбрость, садился в машину и уезжал домой, где меня встречали тортами и конфетами, качали на руках и благодарили за избавление от супостатов.

Иногда ружье заменялось деревянным мечом или пластмассовой саблей. Но враги все равно гибли от моей руки, и я всегда приезжал домой на машине. Иногда целым и невредимым, иногда раненым, но обязательно награжденным очередным значком или медалью из отцовской орденской коробки.

Соседка баба Катя слушала мои игры из коридора и, наверное, качала головой: «Ох, горюшка-то хлебнет хлопчик!» Родителям она говорила: «Ой, ребята, ведь офицером будет! Помните мое слово!» На что мама моя отвечала категорическим несогласием и настоятельно вдабливала в мою прожужжанную и простреленную врагами голову, что необходимо мечтать о врачебной карьере.

Я с мамой никогда не спорил. Не боялся, нет, – любил. И соглашался. Но врачом быть не хотел. Что в них хорошего? Делают больно и всегда неприятно пахнут. И еще всегда врут. Говорят тебе чего-нибудь ласковое, а сами врут – все равно будет больно.

Вот солдат – это да. Грудь в крестах – голова в кустах. Его все любят, целуют и встречают цветами.

Странно. Может быть, мне этого не хватало – чтоб меня любили? Нет. Хватало. Меня все любили. Беленький, голубоглазый, с крупным умненьким лбом. Я рано научился читать, запоминал наизусть пластинки с приключениями Незнайки и Чипполино. И когда собирались гости... Да, да, да... Банально ставили на стул и я рассказывал им стихи и эти самые пластинки.

Гости поднимали рюмки и гомонили: «Вот башка! Ученым будет!» На что мама снова возражала и говорила, что Сереженька у нас будет детским доктором, а я это подтверждал, правда, слегка отворачиваясь и краснея. Это была, наверное, первая моя ложь. Но я не хотел расстраивать маму и лгал во спасение наших с ней дружеских отношений.

Где ты мой дом? Где ты мой настоящий дом? Где моя машина, мое деревянное ружье, пластинки, довольные гости, огромный добрый папа? Где моя мама, где моя мамочка?

Этот дом невозможно вернуть. Все перемешалось в жизни так, что не осталось камня на камне от того нереально счастливого детства. Ничего. И мамы давным – давно уже нет. Не хочу вспоминать об этом. Для меня она всегда живая и никто на всем белом свете никогда не сможет ее заменить. Никто и никогда. Никакая женщина на свете.

Я хочу домой. Я пополз бы туда на коленях, разбивая лоб с молитвами о каменные заборы, что настроила вокруг меня неласковая жизнь.

Я хочу домой, но я не знаю, где мой дом.

Глава 6. Первенец

В воскресенье с утра можно было поехать в офис. Поглядеть бумаги, скопившиеся за время командировки, сверить дебет с кредитами, вызвать Виталика – заместителя и пополоскать ему мозги за какое-нибудь упущение, позвонить vip-клиентам или начальству – справиться о здоровье и планах. Короче, поунижаться слегка, холопски улыбаясь в трубку телефона. Бизнес есть бизнес – таковы правила. Не напомним о себе – забудут, суки.

Но я не стал этого делать. Не было настроения. Встал, и поехал к отцу. Тот, как всегда, при наступлении лета уезжал со своей женой в деревню и жил там до снега. Старики вообще обожают дачи и деревни. Почему казалось бы? Может, потому что деревенские корни у большинства? Но я знаю очень много людей истинно городских в третьем и более поколении. Все равно, по достижении возраста пятьдесят-шестьдесят, их тянет в деревню.

И покупают себе дачи, старые дома и мучительно их восстанавливают, возделывая неблагодарную почву, карацась ежедневно в грядках с клубникой, огурцами и луком. И это их заводит так, что они уже не могут остановиться – работают, работают, работают, считая это все отдыхом. Мучительно пашут, зверски, не считаясь с уже подорванным здоровьем. Словно, мало наработались в жизни, словно в этом есть какой-то смысл?

Да где он, папа? В земле что ли? А папа смотрит на тебя выцветшими от возраста добрыми глазами, прячет за спину мозолистые сухие руки и виновато отвечает, что ты приезжай летом – увидишь, какая вишня будет, а кабачки вырастут с поросенка, и еще маленькие арбузы в теплице... И глаза счастливые. И понимаешь, что ты ничего не понимаешь в этой жизни. И логика тут бессильна.

А эта долбанная картошка? Люди, вы меня понимаете? Мучились ли вы весной, под девятое мая, сажая ее, горбатились ли летом, в самый зной, окучивая ее по два раза, и умирали ли вы холодной осенью на ее раскопках? Я думаю, чаша сия не миновала в нашей стране никого.

– Да, будь проклят этот Христофор Колумб, открывший Америку, будьте прокляты конкистадоры и пираты-мореходы, и Петр, ети его мать, Первый, и, вообще, все кто причастен к ее появлению в России! – думаем мы, ползая под осенним дождем по боровкам, и выкапывая скользкие розовые клубни из коричневой грязи.

А дождь, как нарочно, не утихает... А загон все не кончается. И все уже на пределе. Все сосредоточены так, словно совершают геройский поступок – восходят на Эверест или переплывают Черное море. А потом искренне гордятся тем, что сделали. Искренне! При этом у большинства из копателей Мерседес или Лэндкрузер, и они владельцы или топ-менеджеры крупных фирм, и картошки этой они могут купить столько, что хватит завалить весь родительский участок толщиной метра в два или три... Но! Родители – это свято. Родителям надо помогать, даже в таком бессмысленном занятии.

– Ты посмотри, я сюда вот «белый налив» посадил, лет через десять, думаю, яблочки будем кушать, – гордо отвечал семидесятилетний отец (три инсульта, атеросклероз и еще, хрен знает что), на мой вопрос: как ты себя чувствуешь? Рядом безумно скакал, болтая хвостом и ушами, его старый лабрадор Бим. И глаза этого собака были похожи на отцовские – в них светилась радость, кураж и вера в будущее.

Они рады, они снова в деревне. Кончилась бесконечная, промозглая, хворая зима, с ее тяжелой дорожной грязью, скользкими ледяными тротуарами, вечной серостью в запотевших окнах квартир, долгими ночами и ненавистным электрическим светом, сумрачными вечерами и днями, с опостылевшим до одури, отечественными телесериалами. Думали – никогда не кончится это безобразие, а вот, поди ж ты...

Кончилась зимища! Пережили, перевалили гряду. Там, впереди яркое солнце, зелень трав и деревьев, голубое небо и надежды.

И старики воспряли духом, и послали на хер докторов, что зимой категорически запрещали им дачный героизм. И были правы! Снова жизнь, снова еще чуть-чуть, снова мы кому-то нужны – хотя бы этим деревьям, растениям и животным, чтобы они порадовали всех свежим яблочком, сливой или огурцом или даже крупным лобастым щенком от деревенской суки Лары.

Мне хорошо с отцом. Мне хорошо видеть его довольным. Он мой главный канат, что связывает меня с землей. Он мой ребенок – первенец. Дочь второй ребенок, а отец первый. Когда-то, после смерти матери, он растерялся и совсем сник – я вытаскивал его, как мог, и вложил в него много сердца. Так что он – ребенок. А нашим детям должно быть хорошо! Это закон. Им должно быть лучше, чем нам. Для того и живем.

Мы с отцом тихо разговаривали, сидя на крылечке. Покуривали. Тамара, отцовская жена, тихо поругивала его за лишние сигареты. Чвиркали в скворечнике скворцы. Старая собака Бим валялась бревном у наших ног, и мне было спокойно. Отец улыбался и трогал меня за руку. И рука эта была тяжелая и твердая, как рука самого господа бога.

Ничего – жизнь продолжается. Надо жить опять. Ну вот, хотя бы для того, чтобы помогать этим старикам прожить еще один год, дожить до нового лета и посадить новую картошку и лук. Чтобы появился еще один щенок-лобан в деревне, и все дружно думали – куда бы его пристроить и пристроили бы. Чтобы снова есть варенье из вишни и пить чай на крыльце этого доброго дома. Надо жить.

Не надо строить немыслимые планы и искать глобального смысла. Вот для них и живи. А там, что уж будет...

Ведь есть еще дочь, и не все у нее просто в жизни и, значит, ей тоже нужна поддержка и тоже нужно от тебя что-то.

Отдавай и живи. Не давай в долг – отдавай. Ничего не надо взамен, ничего. Просто так. И забывай о том, что отдал, и не ощущай себя гордым и важным, оставь тщеславие свое, и постоянно проси господа о том, чтобы все, кто тебе дороги, жили как можно дольше и счастливее. Ведь чем дольше и лучше они живут, тем спокойнее будет тебе.

А спокойствие собственной души? Да что может быть важнее для человека?

Душевное равновесие – суть всей нашей жизни. Человек всегда рвется на части. Не себя надо бояться порвать – свою душу и совесть. Они нас не оставят в покое. Когда мир в душе, и совесть молчит, и есть ощущение, что все правильно сделал – это хорошо.

Прости меня, папа, за то, что редко приезжаю к тебе. Ведь ты ждешь меня – я знаю. И в душе ты очень гордишься мной, а когда я приезжаю на новой, еще более крутой машине, думаешь: «Главное не деревья (я их много насажал), главное не построенный дом (и это было не раз), главное – какого сына вырастил, а! Не стыдно людям в глаза смотреть... Мужик! Настоящий мужик! Эх, Сережка, как же я тебя люблю!»

И все у тебя, папа, хорошо. Не беспокойся за меня – я сильный, я выдержу, я прорвусь, я встану с колен, я выплыву... Из всякой передрыги. Ты, главное, здоровье береги, а обо мне не думай. Я пока еще здоровый и бабы меня любят.

Так, я думал, когда ехал вечером от отца. Ехал умиротворенный с каким-то комком нежности в горле, и хотелось заплакать, да не плакалось – словно гранитная преграда стояла перед светлым морем моих слез и голубыми озерами моих глаз.

Ведь это ты, отец, учил меня когда-то: «Мужчины не плачут! Это не-воз-можно!»

И тогда я заплакал внутрь, в себя, в свое большое, теплое сердце. Слезы были легки и промывали чистотой мою истерзанную неверием душу.

Прости меня, папа, я тебя люблю!

Глава 7. Как хорошо быть генеральным!

Утро понедельника всегда начинается одинаково. С бодрого голоса по мобильному.

– Сергей Саныч, здравствуйте! – Виталик, мой заместитель, звонит всегда, каждое утро буднего дня, видимо для того, чтобы удостовериться, не подох ли я, часом, и не пора ли ему занимать мое кресло руководителя в уютном солнечном кабинете главного офиса.

Виталий молод – двадцать восемь, и, в целом, разбирается в предмете и методе нашей работы не хуже своего шефа. Он, в отличие от меня – пердуна – дилетанта из советских времен, – коммерсант по жизни.

Вот бывает же такое. Взял и родился коммерсантом – все время чем-то торговал, кого-то облапошивал, перед кем-то гнул и считал прибыли, уменьшая при этом издержки.

Правда, не всегда Виталию везло, и как поднимала его судьба, так и опускала до самого плинтуса, но стойкость и ванько-встаньность в нем была отменная. Лично мне Виталик был многим обязан, и, если бы не я, давным-давно бы его схомячило наше олигархическое семейство, коему собственно и принадлежала руководимая мною фирма.

– Какие проблемы, родной? – я уже встал и варил себе крепкий кофе. Времени было восемь утра, но зам был уже на месте. Иногда мне казалось, что он вообще не уходит с работы – поразительная работоспособность!

А проблемы были. Мелкие, правда, но были. Посыпались вдруг гарантийные случаи с электроаппаратурой, предприятия – перевозчики отказывали в машинах (а с завода надо было вывозить штук тридцать электродвигателей), а самое главное, не хватало денег для оплаты товара в установленные заводом сроки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.